

дикий после восхода

СКАЗОЧНОЕ УТРО

Когда мечты становятся явью...

12+

СОФЬЯ ВОЛОШИНА

Софья Вячеславовна Волошина

Сказочное утро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66828148

SelfPub; 2021

Аннотация

Это сборник милых сказок для чтения в транспорте по пути на работу или с работы. Чтобы расслабиться, успокоиться. Если нет времени и желания начинать длинный роман, а просто хочется душевной теплоты и простых историй.

Содержание

1. Пастушок	4
2. СанСаныч	7
3. Вольному воля	13
4. Капелька росы	22
5. Лепесток света	26
6. Курсач	33
7. Барахолка	36
8. Серебряная звезда	40

Софья Волошина

Сказочное утро

1. Пастушок

А знаете, почему, когда теплыми летними ночами всходит луна, на воде всегда дорожка, будто бы из чистого серебра? Вот послушайте...

Произошла эта история в стародавние времена – был у Речного Правителя пастушок один, стада рыбы пас, да за порядком приглядывал. Чтоб щука лишнего карася не сцапала, но и голодная не сидела, чтоб каждый сом под своей корягой мирно жил – за всем пригляд нужен.

Уж такой справный был работник: Речной Правитель не нарадуется. Каждую весну если жадные люди реку перегороят сетью, аль запрудю, работничек уж тут как тут. Придет мужик сеть проверять, вытянет – там коряга вместо рыбы. А пастушок рядом в тине схоронился, да знай себе усмехается. Уж его умасливали, даже каравай на воду спускали, но он своё дело знает – не балуй, мол, мил человек, сам же потом рыбы в сетях не найдешь.

Всем работник хорош, но странность одна за ним водилась: как взойдет над Большим Озером, над правительевым теремом Луна, спешит пастушок на берег, где под обрывом

валун плоский, на валун заберется, и на небесную раскрасавицу любуется.

– Сойди на бережок! – просит.

– Не сойду, ножки намочу, сапожки испачкаю... – отвечает ему Луна.

Уж он и так, он и этак. Никак не хочет. Загрустил пастушок, не пьет не ест, не спит, всё о Луне думает. А тут позвал его Правитель, спрашивает:

– Ты, пастушок, мне верой и правдой служишь много лет, как наградить тебя?

– Дай мне, милостивый Правитель, трижды по три мотка того серебра, которым рубахи твоих уклеек вышиты.

– Ишь, пустяк какой! И не надо тебе ни злата, ни камня драгоценного?

– Ни злата, ни камней, лишь трижды по три мотка пряжи серебряной!

Поудивлялся Правитель, но желание исполнил. Теперь что ни ночь – пастушок на свой камень, прялку с веретеном где-то раздобыл и сидит прядет. Уж над ним шуки потешаются, леши поглядеть приплыли, сомы из-под коряг повывлежали:

– Ой, глядите – наш пастушок-то – прям пастушка!

А он знай прядет, ничьих смешков не слышит, только в те ночи, когда Луна погулять из терема высокого выходит, на небо нет да нет поглядывает. Нитку спрял, стал из неё покрывало плести, как сеть, но узорчатое. Работа красоты

невиданной, тонкости неслыханной, и конца-краю тому полотну не предвидится. Там и зима пришла. Мороз грянул, вся рыба на дно ушла, а пастушок всё к проруби плавает, на берегу ночами покрывало плетет. Зима минула, весна в ворота постучалась. Сошел снег, сошел лед, а в ясную ночь вышла Луна ножки поразмять, по чистому весеннему небу пройтись. Глядь – пастушок сидит.

– Сойди на бережок! – просит.

Луна давай своё: ножки, мол, намочу, сапожки испачкаю. А пастушок усмехнулся и достал покрывало, над которым лето и пол зимы трудился, расстелил по водной глади. Луна аж ахнула.

– Сойди ко мне, красавица. Уж теперь ножки не замочишь.

Согласилась Луна. Так вместе всю ночь и гуляли.

С тех пор если Луна на небеса выходит, пастушок со своим волшебным покрывалом тут как тут – на воду постелет и ждет, когда к нему возлюбленная спустится....

2. СанСаныч

Расскажу вам одну историю, а вы уж хотите верьте, хотите нет.

Работала я значит теплоэнергетиком. Начальство-то всё в головном офисе, а в филиалах у нас даже в больших, своего технического персонала нет, только договоры с обслуживающими организациями. Сантехники и электрики все "чужие", по договору на один год. Только на особо крупных объектах встречаются в штате местные мастера на все руки, знающие систему. Из тех, кого не успели сократить.

Отправили однажды с очередным филиалом "знакомиться" – дворянская усадьба, культурное наследие. Я тогда пару месяцев всего работала, но уже повидала изрядно: и птичьи гнёзда в распределительных электрощитах, и канализацию, которая уходит в никуда, а по документам не существует, и трубы, настолько хлипкие, что если потекут, то целиком менять надо – сварку не выдержат. В итоге от усадьбы ничего хорошего не ждала, только разруху и запустение. Приезжаю – чистота и красота. Батареи шпарят; вода из горячего крана льётся и впрямь горячая, а холодного крана – толстой струёй, с отличным напором, то есть; канализация не забивается никогда. Зашла в электрощитовую, а там ни пылинки, все провода бирками помечены, заземление сделано, схема висит, в общем честь по чести. Ну, думаю, чудеса!

Поначалу меня заведующая всё водила по усадьбе, а потом, когда вопросы появились, то она мне и говорит:

– Сейчас СанСаныча позову.

– А кто такой этот ваш СанСаныч? – спрашиваю. – Инженер?

– Он типа сантехника... – замялась заведующая.

А вопрос-то мой был по электрошлиту.

– Как сантехника? – говорю. – Зачем сантехника?

Заведующая совсем замялась.

– Он и вместо электрика...

Ну, думаю, приплыли. А у этого СанСаныча допуск к работе с электричеством сеть? А если его током того...и на смерть? Мне ж небо в клеточку, друзья в полосочку...

– Показывайте, – говорю, – вашего СанСаныча.

И тут откуда-то из-за угла, как чёртик из табакерки появляется мужичонка в комбинезоне. Волосы курчавые с сединой, причёска такая, будто его только что двести двадцать шарахнуло, борода колечками в разные стороны, носище картофелиной, ручищи огромные, при этом пальцы массивные, короткие и ладонь квадратная, мозолистая. Аж жутковато – не руки, а лопаты. И при этом ростком невысокий, метра полтора, может чуть больше.

Но ногти чистые, грязи под ними нет, да и сам он опрятный.

– Зрасьте, – говорит. – СанСаныч я.

Прикольный мужичонка, прям картинный.

– А вы то кто тут по должности? – спрашиваю.

– Я как домовый, – и смеётся. – Только не по печке, а по теплоцентрам и прочим электрощитовым.

– Документы-то у вас есть к электросчётчику, а, домовый? – уточню.

Сан Саныч за собой зовёт:

– У меня, как в Греции, всё есть. Пойдём в мою каморку...

Завернули за усадьбу, потом мимо биотуалетов для туристов по невзрачной тропке в сторону хозяйственных построек пошли. Смотрю – не то гараж, не то сарай в здании старой кузни. Спереди ворота на большом замке, а сбоку дверца, неприметная, маленькая, но свежевыкрашенная. Зашли в неё, и я обомлела – чистая маленькая комнатка, очень уютная, пахнет не только старым металлом и машинным маслом, как все такие каморки, а ещё чем-то очень домашним. У входа вешалка, на ней заношенная фирменная куртка одной электроснабжающей компании.

Напротив от входа – стеллаж самодельный, на нём документы в папочках стоят, все подписаны. Эти по электрике, эти по теплу, эти по воде. У меня аж глаза загорелись – в головном офисе половину документов подрастеряли: что делать, текучка кадров... ну или руки не оттуда, чего уж греха таить!

– А дадите, – спрашиваю, – копии сделать?

– Погоди работать, давай сначала чаю попьём, – осадил меня хозяин каморки.

Около стеллажа столик маленький, прикрытый скатертью, на нём электрочайник старенький, ещё алюминиевый, но начищен до блеска. Включил СанСаныч чайник в розетку, меня усадил на стул усадил, и стал на стол накрывать. Достает из шкафчика курабье, конфеты какие-то... И, тут я чуть со стула не свалилась, сахарную голову и щипцы к ней, чтоб колоть. Я такое только в музее видала!

– Откуда такая?! – интересуюсь, когда глаз от удивления перестаёт поддёргиваться.

– Эвона какая хитрая, всё знать хочешь. Много будешь знать – скоро состаришься! – смеётся СанСаныч.

"А если я не буду знать, то помру от любопытства", – подумала я про себя, но промолчала.

Стали пить чай, а я сижу и по сторонам таращусь, никак в себя прийти не могу.

Помимо стола, стеллажа и вешалки, у стеночки узенький диванчик, накрытый чистым половичком, платяной шкаф, кажется дореволюционный, но с любовью отреставрированный. В углу верстачок, вокруг которого чисто, а по стенам развешаны нереальной красоты штукотины из металла, сваренные из всякого мусора. Та на Жар-Птицу похожа, та на льва сказочного, та – грибы-мухоморы на пенёчке.

– Ого тут у вас! – продолжаю удивляться.

– Ото ж, стараемся.

СанСаныч знай чаёк из блюдца прихлёбывает, колотым сахаром закусывает и надо мной посмеивается.

Допили мы чай, полезла я документы смотреть. Всё на месте, схемка к схемке, паспорт к паспорту. Я собралась всё, что нужно, к себе в блокнот переписывать, а ручки-то нет.

СанСаныч молча из стола достаёт ручку и мне подаёт.

– Дарю! – говорит.

Я снова окаменела – ручка выглядит, как перьевая. Сама медная, сверху припаяны мельчайшие шестерёнки и гаечки. Стимпанк, ручная работа.

– Нет, нет, не могу взять... – отнекиваюсь. Уже и про документы забыла, про всё.

– Бери, бери. От души дарю, не обижай отказом.

Ну пришлось взять.

Дела я свои доделала, всё что нужно узнала, схем накопировала, в офис вернулась довольная. Дома месяц только и разговоров было, как о загадочном СанСаныче, уж такой он интересный, уж такой он умелец...

Месяца четыре прошло, я как-то в кадры по своим делам зашла, а там разговор, мол в том самом филиале сотрудник увольняется, техник.

– Да ну?! – спрашиваю. – Неужто СанСаныч?

– Какой такой СанСаныч? – удивилась кадровичка. – Техник Васька Петров. А СанСанычей там никогда не работало. Ни Александров нет, ни Александровичей. Ни даже Александровых...

Вот такие дела чудные! Нету, значит, у них в штате никаких СанСанычей...

Но вы не пугайтесь, на самом-то деле он там до сих пор есть, за порядком следит, на чай приглашает, сладостями кормит. На все мои вопросы знай ухмыляется в бороду.

– Много будешь знать, скоро состаришься.

И ручкой, его подарком, что ни напишу – всё удачу приносит.

3. Вольному воля

Ему снились заводы, в которых он играл, будучи ребёнком. Запах леса, шум волн и небо, бесконечно прекрасное небо, отражающееся в их озере. Беззаботное время!..

Мира пробудился от заводского гудка, взмахнул хвостом и принялся за работу – еду давали только тем русалкам, которые выполняли полуденную норму. Вонючие кишки морских рыб – не бог весть какие лакомства, но заводским лишь бы брюхом кверху не всплыть. Говорят, что на жемчужном промысле кормили свежаком, но, наверное, врут – какой человек станет русалку свежей рыбой кормить!

Их, заводских мусорщиков, было всего-ничего. Один мальчишка-сиротка, которого по малолетству и скудоумию на другую работу не брали, два старика: дряхлый и седой, как луна, а второй может и не так стар, зато полуслепой от плавниковой гнили; да Мира. Мира по малым годам попался в сеть и сильно покалечил плавник и жабры по одной стороне, потому для другой работы не был пригоден.

Втроем тяжело было... Иногда нет да нет находили на дне железяку, да такую огромную – одной хватило б на дневную норму, но втроем не поднять. Возьмется, пилят, а к обеду ни один не успевает, вот и сидят впроголодь. Ну или отправляют Миру, как самого проворного таскать напиленное, на одну норму набирают и делят на троих. Хотя что там делить-то

– одному мало...

Сегодня ещё, как назло, разболелся плавник, аж тошно – видно к буре! Такому на норму не набрать... Вот бы жемчуга добывать, там бы ел досыта. Но кто ж калеку возьмет!

Мира увидал, что у берега торчала железка, похожая на гнутый старый рельс, и Мира попробовал её достать, но та не поддавалась, больно тяжелая. Он сплавал за пилой – одному было сложно пилить, а старики с юнцом уплыли кто куда. С горем пополам отпилив подходящий кусок, русалка потащил его на заводской берег. Там, на закованной в камень набережной стоял человек с ведерком, полным потрохов.

– Э, калечный, принес что-то!

Мира втащил железяку на берег, человек бросил на весы и ухмыльнулся.

– Не, не заслужил ты обед! – хохотнул работник, хотя Мира даже из реки видел, что стрелка на весах слегка перевалила за заветную красную черту – полуденную норму. – Но так уж и быть, я сегодня добрый!

И с гаденькой ухмылкой он кинул русалке два рыбьих хребта с головами. По норме полагалась ещё миска требухи, но этот часто зажиливал. Старики поговаривали – ненавидел их брата, потому что дикая русалка его сестру в воду утащила, чуть не утопила.

Мира кое-как утолил голод и поплыл воевать с железкой, надеясь, что к вечеру работник сменится. На пристани, куда причаливал парходик, на котором приезжали Главные Хо-

зьева. Там стояли две дамы – в кружевах, с зонтиками. Одна, молодая, чьи рыжие локоны кокетливо торчали из-под шляпки, вскрикнула:

– Смотри, русалка! Русалка!

Вторая, постарше, мать или гувернантка рыжей, скривилась и отвернулась.

– Фи, какой уродец!

Рыжая подобрала юбку, подскочила к берегу и нагнулась к воде.

– Русалочка, русалочка, плыви сюда!

Та, что постарше, недовольно поджала губы, но видимо привыкла к чудачествам юной девушки, потому не стала её останавливать. Мира, чуть не впервые увидав человеческую девушку, испугался. Но она протягивала какую-то снедь. Кажется, такое ели люди...

Мира потянулся к рыжей и взял из её рук своей когтистой рукой. Девушка вздрогнула, но ладошку не отдернула.

– Ты славный, но мокрый и холодный, как рыба. – хихикнула она.

Мира жадно съел гостинец. Было вкусно, но нутро сжалось, не принимая диковинной еды. Живот почти тут же закрутило. И как люди это едят? Уж лучше тухлых рыбьих кишков!

– Ты б не кормила его булкой, кверху брюхом всплывет, отцу нового покупать придется! – недовольно проворчала дама постарше.

Девчушка испуганно всплеснула руками:

– Как так? Брюхом кверху? Почему это?

– Потому, что эти твари ничего, кроме рыбы и мяса не едят... – дама брезгливо отвернулась.

– Прости меня, русалочка, я не знала... – глазки рыженькой стали печальными, будто её дневной нормы еды лишили.

Она подобрала юбку и побежала куда-то вглубь берега, а вредная дама последовала за ней, ворча на ходу:

– Воспитанные девушки так себя не ведут.

А Мира и не уплыл бы никуда. Кишки завертело так, что он забил хвостом и ухватился за опору пристани. Он думал, что помрет, а не помрет от боли, так на вечернюю норму точно не наработает и от голода очокурится.

Рыжая куда-то подевалась, видимо забыла о том, что хотела ещё прийти, да уж и не до рыжей-то было. Мира прикрыл глаза, принимая судьбу, но услышал шаги. Тяжелые людские сапоги грохотали по деревянной пристани, люди о чем-то спорили, а на берегу пыхтела странная паровая повозка людей.

– Ну и где этот уродец? – громко спросил один из тех, кто топал сапожищами.

– Да вот, хвост торчит!

Две пары рук дернули Миру за хвост, вытаскивая из воды. Тот попытался сопротивляться, но двое рабочих затолкали его в бочку, закрыв крышкой. В крышке были отверстия, но воды налили так мало, что Мира с трудом дышал. Бочку кру-

тили, наклоняли поднимали, а потом поставили прямо, и под ней затарахтело.

– Трогай! – крикнул человек, который, кажется, сидел около самой бочки.

На странном человеческом языке это значило не то, что нужно дотронуться до чего-то, а приказ ехать. Повозка затарахтела ещё громче, чем до этого, бочку закачало – поехали, значит. Мира был ни жив, ни мертв от страха, он не знал, зачем и куда его везут.

Повозка тарыхтела очень и очень долго, наконец остановилась, бочку сдернули с кузова, сняли крышку и выплеснули куда-то. Мира к этому времени чуть не испустил дух, потому не сразу понял, что откуда-то появилось много воды. Он ударил хвостом – места было много, как в реке, но вода обладала неприятным привкусом и запахом. Стоячая – значит заводь или маленькое озеро, а то и пруд. Мира выплыл и огляделся – и впрямь пруд, а вокруг сад, да красивый такой. Не бочка, но и не поплаваешь толком. Зато тут пахло рыбой, не тухлой, а живой. Вон одна даже хвостом махнула. Вот так номер: в речке около завода даже мальков не водилось! Нутро ещё болело от чудной человеческой еды, но голод оказался сильнее – Мира поймал рыбеху и съел целиком. Кишки поурчали чуть и успокоились. Внутри приятно потеплело – такой хорошей еды у него уж много лет не было.

– Русалочка! Русалочка! – услышал вдруг Мира и вынырнул посмотреть. На бережку, на лесенке, стояла рыжая, ла-

дошкой шляпку на голове придерживала. – Я папу попросила русалочку, он мне и разрешил тебя взять! Будешь у меня в пруду жить, а я тебя рыбкой кормить!

Мира аж головой мотнул, мол как так? А работать? Без работы никто не кормит! Но подтверждая слова рыжей, человек, наверное, слуга, уже принес целое ведро рыбы. Она была настолько свежей, что некоторые рыбины нет да нет держали хвостами.

Это всё ему? Быть не может! Это за какую же работу такая награда?

Конечно, Мира не съел целое ведро за раз – такое ни одной русалке не под силу. Но с голодухи ополовинил его, да чуть кверху брюхом не всплыл, так объелся. Больше не жадничал, да и рыжая девчушка, новая хозяйка, больше так много не приносила.

Ел он с тех пор досыта, спал до полудня. Служба так же была не тяжелой – развлекать хозяйку, когда та изволила приходить к пруду. Вот только беда – в стоячей воде совсем плавниковая гниль одолела. Кашлять стал постоянно, да такими приступами, что наизнанку выворачивало.

А хозяйка стала всё реже появляться у пруда, вместо неё кормить приходила служанка. Маленькая, тощенькая, будто русалка с завода. Поначалу девчушка пугалась, странные движения руками делала, как нечистую силу отгоняла, а потом смирилась, даже говорить стала. Сядет на бережку и про жизнь свою говорит. Мира поначалу не слушал, а потом от

нечего делать – заскучал он без дела-то – стал прислушиваться.

И поразился – девчужка не лучше русалки живет. Дают ей тяжелую работу, а сами и кормят-то не досыта. Мира было решил рыбиной поделиться, пододвинул, а она руками замала:

– Что ты, что ты, не возьму! Решат, что украла!

Мира знай двигает, мол поешь сейчас! Девчужка личико скривила, отказывается.

«Вон какая привереда!» – подумал, а потом вспомнил, как мучился с животом от куска челочьего кушанья – хлеба.

Видать у них тоже так – не едят сырой рыбы.

Рыжая, наверное, с месяц не появлялась, а потом пришла к пруду с каким-то человеческим юношей. Мира выплыл, красуется, как ему положено, а юнец только губы кривит.

– Мари, зачем тебе этот уродец? – брезгливо пробормотал юноша. – Нет бы собачку завела, или кошечку.

Хозяйка, которую, оказывается, звали Мари, покраснела и выпалила:

– А это и не моё! Отец диковинку завел, мне самой не нравится это чудище!

А к человеку так и ластится.

Мира разобиделся, нырнул, спрятался под мостками и не вылезал больше. А вечером рыжая сама пришла. Скребется по мосткам, виновато оправдывается:

– Не сердись, русалочка, мне пришлось Александру со-

врать... Он не очень русалок любит, а я очень хочу ему понравиться! Да ты, наверное, животное глупое, про любовь я не слыхал! – вдруг воскликнула хозяйка сердито.

Почему же, Мира слыхал. До того, как выловили, да на завод взяли, жил с матерью, отцом и братьями, их и любил. А ещё знал, что они его любят и друг друга тоже. Но рыжую простил – видно решила хозяйка с этим Александром мальков человеческих завести, вот и пытается ему понравиться. Люди – они такие, всегда врут.

Но почему-то так печально стало... Мира к хозяйке привязался, полюбил. Не мальков делать хотел, как Александр, но остаться без неё будет грустно.

Потом хозяйка совсем приходиться перестала. Загрустил Мира, не ест ничего, отошал. Совсем скучает. А потом нате вам, объявилась. Нарядная вся, напудренная, Мира даже не признал.

– Русалочка, – говорит, – нельзя тебе больше тут жить. Скоро я к Александру поеду, так что тебя на завод вернут. Но я распорядюсь, чтоб кормили досыта, так-то.

Думал Мира от тоски на берег броситься. Не в кормёжке дело, привязался к рыжей, хоть ты тресни. Но берег высокий, а он ослабел с голоду. Вцепился в опору мостков, решил, что на заводе уж точно уморят его.

Слышит – бочку привезли. Грузят его, он хвостом не бьёт, не противится.

– Какой-то ондохлый. Ох не довезём...

«А хоть бы и не довезли!» – думает Мира.

Поставили бочку, вот сейчас затарахтит машина. Вдруг слышит – топот лёгких ног и голос служаночкин.

– Стойте! Стойте! Хозяйка велела, чтоб этого вести не в завод, а за город, на озёра, а там и выпустить.

– Да брешешь ты, дура! – не поверили работяги. – А как пойду сам у госпожи спрошу?

Рассмеялась девушка:

– Ты спроси, я-то не пойду. Она ж осерчает на меня! Некогда ей о всяких полудохлых уродцах думать, когда свадьба на носу.

Так никто к хозяйке и не пошёл ничего выяснять.

Машину долго трясло, Мира думал конец ему пришел. Уже и глаза прикрыл...

Но вдруг машина остановилась и выплеснули его не в смрадную воду около заводской набережной, а в настоящее озеро.

Машина уехала, а Мира долго вглядывался в прекрасное небо, которого нет в городе. Под таким небом можно жить, а городское лишь для выживания подходит....

Русалки хватились вечером. Машина вернулась на завод, а пустая. Суд да дело, разузнали, что служанка не туда направила. Стали девку искать, чтоб выпороть, а её и след пропал. Никто её больше не видал в городе. Как знать, куда сбежала... Дура и есть – из хозяйского дома по своей воле уйти!

4. Капелька росы

Вокруг, насколько хватало взгляда, простирался луг. Ветер играл в травах и цветах, клоня их разноцветные головки к земле и разнося нежные ароматы. Медный сидел на бетонной стене, ограждающей Город, и качал ногой, тихонько поскрипывая. Он не чувствовал ароматов, которые доносил ветер. Да что там, Медный не почувствовал бы их, даже спустись он со стены и уткнись лицом в цветок, такова уж была его природа.

– Слезай оттуда! Позеленеешь, дурак! – закричал снизу Стальной.

Ох, знал бы он, что с того времени, как в степи начинают распускаться цветы, Медный каждую ночь выходит за стену и приносит в дом целые охапки цветов, а потом проводит ночи напролет за тем, что копирует их форму. Они получаются даже лучше их хрупких оригиналов, потому что не вянут... Но всё равно им чего-то не хватает. Из-за этого «чего-то» Медный всё свободное время проводит на стене, вглядываясь вдаль.

– Слезай, говорю! Замучаешься чиниться! – гаркнул Сталь опять и шарахнул кулаком по стене.

Сталь был здесь главный. В его обязанность входило приглядывать за всеми и распределять ресурсы. Медный ему – как бельмо на глазу: то целыми днями сидит на стене, об-

дуваемый сырыми ветрами снаружи, то из меди, положенной для ремонта, что-то несуразное вылепит. Ну как несуразное... Красивое, но совсем бесполезное. Ни к какому делу это не пристроить, а ресурсы истрачены.

– Да отстань ты от него, Сталь, – звонко рассмеялась Серебро. – Пусть сидит. Сам потом зеленый будет.

Она, как и её сестрица Золотая, любили приходить смотреть на его цветы. Но Золотая никогда не вставала на защиту Медного. А вот Серебро, повстречав как-то под утро Медного с зеленоватыми от росы потеками на ногах, не стала ничего говорить Стали. Как-то раз он видел, как сама Серебро сидела на стене и смотрела на луну и звезды.

Да, серебро зеленел. От постоянной сырости часть деталей покрыла изумрудная короста. Иногда она мешала двигаться, но не более того. Ему было скучно жить так, как жил Сталь или Золото. Или невозмутимый Алюминий, который раньше блистал, как Серебро, но теперь постоянно таскался за Сталью, желая во всем подражать ему. Со временем блеск потускнел, словно его никогда и не было, но ничто его больше не трогало. Лучше уж зазеленеть насмерть, чем так.

Цветы снаружи колыхал ветер, а цветы в мастерской стояли неподвижными. Ближе к ночи Медного спустился к себе и снова долго смотрел на медные цветы, а потом тихо ушел за стену, чтобы вновь гулять по лугу до утра. В тот день любопытная Серебро ушла следом, но он даже не заметил этого...

Так тянулись дни. Зеленых следов становилось всё боль-

ше, двигаться стало ещё сложнее.

– Почему ты не ремонтируешь себя! – в конце концов вспылал Сталь.

А ремонтировать было нечем: пусть вся комната и была завалена медными цветами, но них не был идеален. Под конец меди не осталось.

Медный никого не пускал в свою комнату, но в один из дней он не смог выйти к остальным. К концу дня к нему ворвался Сталь.

– Ты извел весь материал на глупые цветы? – холодно спросил он.

Медный вяло кивнул. Он был слишком слаб, чтобы встать, потому, когда Сталь сердито сгрёб все цветы и унес, помешать ему не получилось.

– Я не дам тебе материалов! – возмутился Сталь. – Теперь только детали. Надеюсь, что свои части ты не изведешь на цветы... – буркнул он напоследок.

Глядя на свои новые сверкающие детали, Медный грустно поплелся к себе. Теперь цветов не будет, да и на стене сидеть теперь запрещено. Возможно, Сталь даже заварит калитку наружу. Он шел, понуриив голову, не смотрел вперед, только на блестящие в электрическом свете ноги, и чуть не сшиб идущую навстречу Серебро с ног. Она не стала сердиться, наоборот улыбнулась ему:

– Я рада, что ты вернулся к нам!

Ответом было нелюбезное:

– А я – нет!

Серебро будто бы не заметила грубости, улыбнулась вновь и убежала по своим делам.

Дверь в комнату Меди оказалась приоткрыта, но он был слишком задумчив, чтобы это заметить. Печально опустившись на лежанку, Медь хотел прикрыть глаза, чтобы не видеть пустую комнату, но вдруг приметил в углу знакомый медный блеск. Сталь забыл один из цветов? Невозможно, он никогда ничего не забывал. Медь неуверенно подошел и взглянул в угол. Его удивлению не было конца – там на подушечке лежал цветок, невероятно похожий на настоящий. Медь узнал свою работу.

Вот только на лепестках были рассыпаны стальные капельки росы.

5. Лепесток света

(Посвящается моей учительнице по русскому)

Я говорил с ним у себя в голове, начиная с фразы: «Ты здесь?» И он был здесь. Даже не помню, когда он появился...

Или нет. Кажется, я припоминаю! Когда-то давно, ещё малышом, я боялся темноты. В отблеске луны, светящей из мутного окошка комнаты, тьма, притаившаяся в углу, казалась живой. Оттуда вот-вот готов был выскочить монстр, сожрать меня, оставив лишь косточки. Няня рассказывала про него, говорила, что если мы с братьями будем дурно себя вести, он обязательно нападет на нас такой вот лунной ночью. Никто из нас всё равно не вел себя хорошо – странно верить в страшных подкроватных чудищ, когда кругом светлый день. А сливы в магистерском саду были так реальны, они манили своим чарующим ароматом и спелостью. И пусть в нашем саду висели не менее спелые и сочные фрукты, старый садовник срывал их с ветвей и приносил в дом к обеду. Лежащие на блюде, они теряли свою волшебную недосыгаемость. Так и выходило – мы нет да нет воровали сливы в саду Магистра, няня штопала порванные о забор портки, порола нас хворостиной, а потом пугала страшным демоном, который приходит ночью и ест мерзких воришек. Днем такие сказки вызывали лишь смех, но ночью лунный луч высвечивал кувшин для умывания – и он казался головой затаившегося чудища.

Братья спали крепко, а вот я просыпался от каждого шороха и долго не мог уснуть, вздрагивая от жутких ночных звуков.

Но вот однажды ночью я услышал его голос, прозвучавший в голове. Он сказал: «Привет!»

Я испугался ещё сильнее, затрясся и спрятался под одеялом, но голос успокоил меня: «Я твой друг, я не причиню тебе вреда...»

Не хотелось верить незнакомому голосу, вдруг он был демоном, пришедшим по мою душу. Но я почувствовал, что мне стало так легко и хорошо, как когда матушка целовала нас маленьких перед сном и желала спокойно ночи.

«Верь мне... Ты боишься тьмы?»

Его речь была нежна и певуча, она журчала словно лесной ручей весенним утром.

«Боюсь...» – подумал я.

«Хочешь, я научу тебя прогонять тьму? Выстави вперед руку, ладошкой вверх, словно хочешь зачерпнуть водицы из ключа».

Я послушал совета странного голоса.

«Думай о свете, маленькой искре, что разгонит темноту...»

Я подумал, что хотел бы осветить комнату, чтобы тьма с её чудовищами чуть-чуть отступила, спряталась по углам и боялась высунуться. И вдруг в ладони вспыхнул холодный, чуть голубоватый огонек, словно звезда с неба спустилась мне в руку. Ладонь дрогнула, но огонек не погас, лишь миг-

нул. Я затаил дыхание, боясь спугнуть странного волшебного светлячка.

«Но как такое может быть? Ведь я не маг, но простой человек!» – спросил я своего нового друга, но он молчал, словно бы его не было.

Наутро я принял всё за сон. О, как прекрасен и волшебен он был! Ладонь до сих пор помнила тепло крошечного светлячка, который светил даже зажатый в руке, до тех пор, пока меня не сморил сон.

Однако с тех пор, как наступала ночь, он приходил ко мне. Пусть странный голос не говорил о себе, пока он был рядом, темнота меня не пугала.

«Откуда берутся эти светлячки?» – спрашивал я у голоса.

«Ты сам создаешь этот свет, в тебе сокрыта магия», – отвечал он.

Но я не верил. Я не был магом, а лишь маги способны менять мир вокруг себя.

С каждым днем искорка света горела всё ярче. Она загоняла тьму и чудовищ в самые углы комнаты – и страх тоже исчезал. Я думал, что она будет жечь руки, но даже став размером с яблоко, свет не жег руки.

Я рос, детские страхи исчезали. Но каждый вечер, перед тем, как уснуть, я спрашивал своего тайного друга «ты здесь?». И он всегда был здесь. И день за днем повторял, что во мне сокрыта магия...

Когда я постиг грамоту, то стал искать книги о магии. Но

не так-то просто было их достать. Отец тогда решил, что я вошел в нужный возраст, и я, наравне со старшими братьями, принялся постигать отцовское дело – мастерство ювелира. Не могло быть и речи о магии, мне запрещали забивать голову ненужными книгами.

– Не таким, как ты уразуметь магию, оставь это ученикам Магистра! – говорил отец, а чтоб слова лучше усвоились, то подкреплял затрещиной.

Пусть и не сразу, я рассказал другу свою печаль.

«Что ж, я могу учить тебя», – сказал он мне.

Днём я был учеником ювелира, а вечера посвящал магии. Теперь я понял, о чем говорил мой друг – она была везде, она текла во мне, стоило лишь выпустить наружу. Сила рожалась во мне, словно огонь в горниле кузнеца, витиеватые слова заклинаний лишь разжигали её, словно меха.

«Эта сила всегда была в тебе. Все мы храним свет, способный защитить нас от внешней тьмы...»

Он рассказывал прекрасные вещи! Говорил о могуществе магов. О том, как хрупок и при этом прочен мир. Как величественны люди, но как они сами низводят себя, равняя со скотом. И каждый день повторял, что я храню внутри себя свет.

Мы вместе задумали мой побег из дома. Я хотел поступить в ученики Магистра, чтобы отныне и впредь навсегда стать магом, отказавшись от судьбы ювелира – благо у отца хватало наследников, чтобы передать ремесло.

В день, когда я бежал, он постоянно был со мной, отгоняя страх неизвестности и темноты – как тогда, в первую ночь. О, как мне было страшно покидать отчий дом! Но всё было не зря – я приглянулся Магистру. Он экзаменовал меня и остался доволен.

Ночью я обратился к своему другу: «Ты здесь?»

От ответил не сразу: «Да, я здесь... Но друг мой, мне нужно кое-что сказать тебе...»

И он рассказал свою историю. Он жил в неведомой заморской стране, с ранних лет посвятив себя изучению магии. Старец, что учил его, остерегал юную душу от жадности, ведь маги, что состояли в ордене, умели исцелять других, но давали обет нестяжательства, дабы не наживаться на чужих страданиях. Юный маг возжелал обогатиться, жадность поглотила его, подобно дикому зверю. И тогда он отправился странствовать. За смерть всегда платили больше, чем за жизнь, потому маг презрел законы, царящие в его ордене, стал служить правителям. Он воевал, убивая врагов, а цари и шахи платили ему за это звонкими золотыми монетами. Так продолжалось очень и очень долго, пока маг не попал в плен. Его пленил отец нынешнего Магистра и запер в подвале, дабы выведать все секреты, которые тот скопил за долгие годы. Маг многие годы провел в тюрьме, страдая от одиночества, но потом услышал зов юной метушейся души. То был я. Так плененный чужеземец стал мне другом.

«Я могу освободить тебя?»

Не было предела счастью – сейчас я смогу отплатить своему благодетелю за всё, что тот для меня сделал!

«Не спеши, прошу. Я очень стар, смерть пришла за мной и ожидает, когда маг, наконец, упадет в её объятия. Ох, и коварная же она женщина, от неё не уйти. Потому не рискуй и не старайся – сегодня я уйду, и мы более не свидимся. Я лишь хочу, чтобы ты знал – я не бросил тебя...»

«Но чем же, чем я могу отплатить тебе за тот свет, что ты подарил мне?» – возопил я в отчаянии.

«Это был твой свет, его лишь стоило разжечь. Но раз ты желаешь отплатить мне – пообещай, что поможешь зажечь этот свет кому-то другому».

Сказав так, он замолчал, и больше я не слышал его.

С этого дня я остался в одиночестве, лишившись друга. Отчаяние душило меня, я был разбит и повержен, размышляя о том, чтобы бросить всё и вернуться в отчий дом. Отец принял бы меня, а я стал бы ювелиром – денежное ремесло.

Но вот, когда я уже решил уйти из учеников Магистра, под окном своей комнатухи-кельи я услышал, как плачет мальчик. Он только поступил в ученики. Возможно, малышу было трудно, а, может быть, он скучал по родителям. Я вышел во двор, подошел к нему и тихонько позвал.

– Мой юный друг, я могу чем-нибудь тебе помочь?

Он заплакал ещё пуще, а потом, отплакавшись, сказал, что ничего не смыслит в магии, но не смеет спорить с отцом-вельможей, отправившим малыша в ученики.

– Раскрой ладонь, словно ты хочешь напиться из ручья, – мягко попросил я. Малыш опешил, но сделал.

– Теперь подумай о свете. Мягком и теплом...

На детской ладошке расцвет лепесток света. Малыш охнул от удивления и заулыбался, слезы мгновенно высохли.

– Ого, как у вас это получилось?! – удивленно спросил он.

– Ты сам создал этот свет. В тебе сокрыта величайшая магия! – с улыбкой сказал я малышу.

6. Курсач

(Посвящается всем студентам-технарям)

Курсач – дело не легкое, особенно если делал его за полторы ночи, выпив ведро энергетика. А если сдавать работу профессору, который старше самого мира, так совсем беда!

– Тут что за ахиня? Ты светимость откуда брал? – Заас Иргович отодвинул вычисления и внимательно посмотрел на меня. Я был далеко не первым оболтусом, который сегодня пытался «сдаться», потому профессор был усталым и от того весьма суровым.

– По формуле считал... – проямлил я.

– По какой формуле? По какой формуле ты там считал?

Вот!

Он плюхнул на стол передо мной пыльный справочник, от которого захотелось чихнуть. Если чихну – он точно меня выставит. А так вроде бы объяснять стал...

– Вот тебе таблица Уицилопочтли. По ней смотришь светимость. Ну!

Заас пустился в рассуждения, что в их времена не то что концов света не было, так ещё и Черные Дыры не являлись украшением, а были тем, чем они и должны быть – халтурой, настоящей халтурой, за которую снижали балл.

Ворча, он дошел до конца вычислений, успев перечёркнуть синим карандашом всё, что было у меня на листе... у него

был такой карандаш, синий с красным, жутко обтрёпанный, старше всех вселенных вместе взятых.

– Таак? А почему только одна звездная система? М?

– Так вы не сказали, сколько нужно считать, я и посчитал одну, – ответил я глядя в пол.

– Одну? Одну?! Вот ленивое существо! Это недопустимо, чтобы на всю Галактику просчитать всего одну звездную систему... И планет всего восемь! Ну как так можно?

– Ну их там... девять вообще-то... – попытался возразить я.

– Девять? Это – планета? Да ты бы ещё спутники за планету посчитал! Вон они у тебя какие большие. Убери лучше это недоразумение, чтоб я его не видел.

Он твёрдо перечеркнул на чертеже последнюю планетку, оставшись полностью собой довольным, а я совсем расстроился – мне самому она очень даже нравилась, такая маленькая, аккуратненькая.

Прав был батя – зря не пошел учиться на божество плодородия: и заморачиваться не надо, да и сыт будешь. Дары, оргии... Короче не жизнь, а сказка. Нет, я ж принципиальный, творцом быть пожелал! Мать его демиургом! Романтика разыграла...

– Твоя работа никуда не годится, но я не хочу, чтобы ты ходил за мной хвостом до самой сессии, поэтому давай сделаем вот что: ты сейчас оставляешь одну систему. Внимательно выбираешь подходящий из таблицы спектральный

класс и святимость, оставляешь одну населенную планету и в понедельник сдаешь, чтоб я спокойно допустил тебя до сессии. Вот эту планету населенной сделаешь, понял меня? – Заас Иргович ткнул в третью планету.

– Но у меня же три обитаемых выходило. Ещё красная и вон та... – попробовал заступиться за свой курсач я.

– Не морочь мне голову, и себе не морочь!

Я стал собираться, а он всё ворчал:

– В понедельник чтоб всё точно посчитал! И девятое недо-разумение убери!

Я кивнул, но последнюю планету решил не убирать, всё равно Заас Иргович в следующий раз о ней забудет.

7. Барахолка

Занесла меня жизнь на «Юнону». Если кто не питерец или просто не в курсе – это такая эпичная барахолка и рынок ширпотреба, притулившиеся на боку засыпанной свалки. Думала, что закрыли уже, но она, как выяснилось, живучая. Эпичность местных дедулек и бабулек не уступает графичности хлама, продаваемого ими вперемешку с антиквариатом.

Но в этот раз привлёк меня один дедуля. Подхожу, смотрю – стоит, прямой, как струна, не то военная, не то балетная выправка. Пальто чернее ночного безлунного неба, бескрайнего космоса и чёрной дыры, на нём ни пылинки, ни складки лишней. Лицо старческое, на финик похоже – вытянутое, морщинистое, загорелое, а вот глаза на нём какие-то странные, молодые слишком, и словно душу высасывают.

Перед дедком стоит столик, на нём, на аккуратно расправленной ткани фигурки. Какие-то из тончайшего молочно-белого фарфора, аж сияют, другие искусно вырезаны из дерева, третьи тряпичные, вышитые – словно Василиса Премудрая из сказки шила. Вот только каждая из них какая-то старая, ветхая, где-то отколото, где-то облуплено, где-то пятно, которое тщательно пытались убрать, но не смогли.

– Что-нибудь заинтересовало? – окликает меня дедок. От голоса аж мурашки – густой, строгий, будто бы и древний, а

будто бы и слишком молодой для такого старика.

– А что это у вас такое? Откуда всё? – спрашиваю.

– Это, девонька, мечты, – усмехается. – Люди их выбрасывают, а я нахожу, отмываю, привожу в порядок и вот, продаю.

– Как так – выбрасывают? – не поняла я. – Это ж... мечты!

– Всякое, девонька, в жизни бывает. Вот, например, с детства человек чего-то хочет, сил нет. А пока маленький, воплотить не удаётся. Потом вырастает и случается такая история: вроде бы исполнить может, если силы приложит, но как-то не солидно взрослому, богатому и успешному детскую мечту исполнять. Вот и выкидывает в мусор. А подберу, вымою... Знаешь, какие красивые иногда попадаются!

Дедок отогнал голубя, который норовил приземлиться на столик, и продолжил:

– Или живёт себе подросток, девяти-десятиклассник. Малой ещё. Мать в комнате убирается, смотрит – валяется какая-то ерунда, безделушка, ещё формы странной, «уродской». Вот она в мусор и выкинет. Но тут сложно... Иногда подросток домой вернётся, мечты не найдёт, так он все мусорные контейнеры перероет, но мечту найдёт, отмоет и подальше спрячет. Не все конечно, но некоторые так делают.

Старик указал на фигурки, лежащие слева. Они все были какими-то угловатыми и выглядели странновато, но при этом мило – так и хотелось их в руки взять.

– Или вот. Взрослеет человек, понимает, что жмёт ему

мечта – раздобрел, одряхлел. Вот он детям и отдаёт свою мечту, в наследство. «Пока не исполнишь», – говорит, – «не отстану!» Некоторые до смерти с ней возятся, а некоторые съедут от родителей и тут же выбрасывают. Тут даже осуждать не могу, не их это мечта.

Странный волшебный дедок замолчал. Я молчала тоже, обдумывая услышанное.

– А вот эти? – подала голос я через некоторое время, показывая на группу одинаковых, словно штампованных фигурок, в которых чего-то не хватало.

– О, эти самые интересные! Знаешь, как флаеры перед метро раздают? – дедок произнёс «флаеры» с гордостью. Мол, смотри, девонька, какое слово мудрёное выучил. – Вот так некоторые и мечты раздают. Вот только не перед метро и не в торговых центрах: чтоб мечтами сорить, надо высоко забраться. Это делают всякие там певцы, актёры, или эти ваши блогеры, у кого подписчиков мульён. Соберутся вокруг него фанаты, он и давай им мечты раздавать... Мечты все однотипные, как у кумира, но без деталей. Кому-то они подходят, он начинает дотошно сам докрашивать, долепливать, дорезать всякие мелкие завитушки-красотушки, а кто-то поиграется-поиграется и выкидывает.

– Но зачем таким людям мечты раздают? Зачем они их берут тогда? Жалко же...

– А тут, девонька, так сразу и не скажешь, придется понутри мечта, или нет. Бывает такая вот, подобранная у куми-

ра, лежит годами на верхней полке, пылится. Потом полезет человек пыль вытирать, а она ему бамс по макушке. И всё, ничего ему кроме этой мечты не надобно. Так что, купишь, девонька, что-нибудь. Или тебе большую надо? Я большие не ношу, только под заказ. Скажи какую, я на тележку погружу и привезу завтра...

– Нет, нет, спасибо... – я поёжилась от пронзительного взгляда, поправила шарф и пошла дальше. По дороге заглянула в магазин за всякой мелочёвкой и купила самую большую, что была, английскую булавку. Встала в сторонке, открыла сумку и мечту, которую с собой таскала, к подкладке пристегнула. Чтоб не потерялась!

8. Серебряная звезда

Жила была на свете Принцесса. Естественно, она была прекрасна, юна, жила во дворце и мечтала о Принце...

Так начинаются все сказки.

Но мало кто знает, насколько одиноки принцессы. Лёгкий флёр невинности и загадочности, фигурка, словно у фарфоровой куклы, загадочная бледность – всё было при ней, но какое было дело деревенским девчонкам до дворцовых интриг, а деревенские парни не смели поднять при ней головы. Смешливые служаночки замолкали при ней, дядька-конюх переставал травить скабрёзные шуточки, улыбаться и вытягивался почтительно. Заговаривали с Принцессой лишь придворные дамы, столь старые, что каждая из них уже забыла, как это – быть молоденькой девушкой.

Принцесса пыталась сбежать из дворца по ночам, но её узнавали и приводили обратно во дворец, с благодарностью принимая у короля звонкие золотые монеты за возвращение беглянки. Мажь не мажь личико сажей – королевскую особу узнаешь издали: стать, походка, манеры выдавали древнюю кровь.

Наконец, пришла пора жениться. Принцесса возликовала: наконец, она покинет дворец! Приедет прекрасный принц, увезёт её отсюда – и они вместе поедут смотреть мир. Но всё было не так-то просто.

– Я женюсь на том, кто достанет звезду с неба! – объявила Принцесса, появившись перед королевичами и принцами всех мастей, когда те приехали свататься.

Что ж, того требовал обычай, заведённый предками, а девушка не могла пойти против воли родителей, свято блюдушщих традиции. Но ночами, в своей комнате горько рыдала, ожидая того единственного смельчака, что увезёт её.

Время шло, а такого не находилось. Слезы Принцессы становились всё горше, а шёпоток служанок всё громче:

– Ишь, фифа нашлась! Звезду с неба! Да нам бы таких принцев, мы бы и без звезды замуж выскочили...

И вот однажды в комнату постучался Шут. Маленький, невзрачный уродец, отплясывающий перед королевским тронем на праздниках. Принцесса часто видела, как он ночами играет на флейте в королевском саду и улыбалась нежным звукам.

Шут изящно поклонился и вытащил из-за спины холщёвый мешок. Сквозь ткань просачивался свет – девушка любопытно склонилась, чтобы разглядеть получше.

Вдруг уродец заговорил. Он обратился к Принцессе, как к обычной девушке, а в его тоне не скользило подобострастие.

– Здравствуй, Принцесса! У меня есть подарок для тебя. Я просто Шут, и не могу достать для тебя звезду с неба. Но я принёс тебе маленькое серебряное отражение – оно будет светить тебе, ты можешь поставить его себе на тумбочку вместо ночника. Распорядись ей так, как желаешь...

Шут поклонился и изящно поцеловал руку девушке. Он уже развернулся, чтобы уйти, но Принцесса вдруг остановила уродца, наклонилась и чмокнула в щёку.

– Спасибо тебе!

– Право, не стоит... – зарделся смущённый Шут.

Он ушёл, на ходу доставая свою флейту. А Принцесса той ночью выбралась из замка и ушла странствовать, освещая себе путь маленькой серебряной звёздочкой, которая помещалась на ладони и светила мягким нежным светом.

...Поговаривают, что Принцесса нашла себе жениха. Но это была уже другая история.